

АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Юрий Викторович Лоскутов,

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия,
yuri-loskutov@mail.ru

Получена 12.05.2023.

Поступила после рецензирования 14.07.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Лоскутов Ю.В. Актуальные политические и неполитические субъекты социальной революции // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 26–43. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_26

Аннотация

В статье анализируется проблема субъектов посткапиталистической социальной революции. Вопрос о смене капиталистической общественной формации актуален в силу того, что капитализм все чаще тормозит развитие производительных сил, включая развитие самого человека. Вместе с тем относительное обнищание трудящихся лишает их необходимых ресурсов для успешной политической борьбы. Следовательно, типичная посткапиталистическая социальная революция не сопровождается внутривнутриполитической революцией «снизу». Однако политические субъекты социальной революции проявляют себя в качестве таковых (преимущественно косвенным образом) не на внутривнутриполитической, а на международной арене, способствуя утрате глобальной капиталистической системой мировой экономической гегемонии, что обуславливает начавшийся процесс политической самоликвидации данной системы. Поскольку субстанциональным источником социальной революции выступает не классовая борьба, а развитие производительных сил в ходе повседневных практик, сторонникам посткапитализма следует пересмотреть актуальную общественную

© Лоскутов Ю.В., 2023

проблематику в контексте этого развития и, прежде всего, всестороннего развития индивидов. Системообразующим фактором усложнения производительных сил является развитие трудовой деятельности, поэтому неполитическими субъектами посткапиталистической социальной революции выступают субъекты всеобщего труда, производящие социал-гармонические общественные отношения взамен социал-атомистических. По мнению автора статьи, сегодняшний кризис ставит под вопрос предполагаемое классовое господство индивидуалистического «персоналиата». Становление всеобщего труда уничтожает противоречие между умственным и физическим трудом, что приводит к постепенной ликвидации классового антагонизма. В этой связи сторонникам посткапитализма следует стремиться к увеличению численности и общественного влияния представителей всеобщего труда.

Ключевые слова:

социальная революция, политическая революция, капитализм, производительные силы, всеобщий труд.

UDC 304

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_26

CONTEMPORARY POLITICAL AND NON-POLITICAL ACTORS OF THE SOCIAL REVOLUTION

Yuri V. Loskutov,

Perm State University,
Perm, Russia,
yuri-loskutov@mail.ru

Received 12.05.2023.

Revised 14.07.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Loskutov, Yu.V. (2023). Contemporary Political and Non-Political Actors of the Social Revolution. *Discourse-P*, 20(3), 26–43. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_26

Abstract

The article analyzes the issue of actors of the post-capitalist social revolution. The question of changing the capitalist social formation is relevant due to the fact that capitalism is increasingly hindering the development of productive forces, including human development. At the same time, the relative impoverishment of workers deprives them of the necessary resources for a successful political struggle. Consequently, a typi-

cal post-capitalist social revolution is not accompanied by an internal political revolution “from below”. However, the political actors of the social revolution manifest themselves as such (mostly indirectly) not in the domestic but in the international arena, contributing to the loss of global economic hegemony by the global capitalist system, which determines the process of its political self-liquidation. Since the substantive source of social revolution is not the class struggle, but the development of productive forces in everyday practices, the proponents of post-capitalism should reconsider current social problems in the context of this development and, above all, the comprehensive development of individuals. The system-forming factor of productive forces complication is the development of labor activity, and therefore the non-political actors of the post-capitalist social revolution are the actors of universal labor, producing social-harmonic relations instead of social-atomistic ones. The current crisis calls into question the supposed class domination of the individualistic “personalist”. The emergence of universal labor destroys the contradiction between mental and physical labor, leading to the gradual elimination of class antagonism. In this regard, the proponents of post-capitalism should strive to increase the number and social influence of representatives of universal labor.

Keywords:

social revolution, political revolution, capitalism, productive forces, universal labour.

Введение

Смена общественной формации является сегодня не только теоретической, но и практической проблемой для всего человечества. Эта проблема порождена необходимостью преодоления глобального антропологического кризиса, который проявляется в дисгармонии и отчуждении человека на всех уровнях бытия, в господстве не универсальных, а частичных отношений с миром, особенно характерных для капиталистического общества (Кондрашов, 2020а, с. 38). На вопросы о характере будущего общественного устройства может окончательно ответить только общественно-историческая практика¹. Однако некоторые из текущих практических тенденций позволяют теоретикам сделать некоторые предварительные выводы и высказать те или иные гипотезы по рассматриваемой теме.

П. Н. Кондрашов пишет: «Под *общественной формацией* мы понимаем качественно целостную стадию общественной эволюции, которая характеризуется определенной степенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые в конечном итоге определяются ею... Закономерностью исторического процесса является *качественный* (революционный, скачкообразный) *переход* между способами производства и между формациями. При этом «революцию» в данном случае надо понимать не в политическом смысле (как

¹ В целях соблюдения научной строгости имеет смысл использовать нейтральный термин «посткапитализм» взамен его идеологически окрашенных эквивалентов (Давыдов, 2020, с. 10–11).

смену классовый политической надстройки), а как глубинную социально-экономическую структурную трансформацию, которая охватывает все без исключения сферы общественного и индивидуального бытия и сознания, базиса и надстройки» (Кондрашов, 2020b, с. 152) Термины «межформационный переход» и «социальная революция» можно считать синонимами.

Смена формации действительно назрела в общественно-исторической практике в силу того, что дальнейшее сохранение капитализма угрожает развитию (а во многих случаях и физическому выживанию) огромного числа людей. Каким образом в контексте закона соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил (Маркс, 1959, с. 6–7) можно сегодня приводить уровень бурно развивающихся производительных сил в строгое соответствие с капиталистическими производственными отношениями? Ради достижения указанной цели капиталу требуется всячески тормозить развитие производительных сил и даже просто уничтожать их. Для этого хорошо «подходят» войны и геноцид, а также аборт, гомосексуализм, наркотики, духовное отупление трудящихся с помощью низкопробной массовой культуры. Ведь главная производительная сила – это не средства производства, а сами трудящиеся (Маркс, 1968, с. 403). Если при жизни К. Маркса капитал решительно развивал производительные силы, то сегодня он «одной рукой» их развивает (что соответствует его конъюнктурным экономическим интересам), а «другой рукой» разрушает. Поскольку, когда производительные силы разовьются должным образом, господству капитала придет конец. Неуклонно деградируя, капитализм все меньше развивает производительные силы и все больше разрушает их. Причем данное соотношение в планетарном масштабе угрожает сместиться в сторону разрушения, а кое-где (например, в зонах локальных военных конфликтов) это уже произошло. Развитие производительных сил все больше происходит вне рамок капиталистических производственных отношений и, прежде всего, в свободное время.

Переход к постиндустриальному обществу недостаточно глубок для того, чтобы стать межформационным. Один из виднейших постиндустриалистов М. Кастельс называет новую техноэкономическую систему «информациональным капитализмом» (Кастельс, 2000, с. 40) и отмечает, что «информационная/глобальная экономика является капиталистической, фактически более капиталистической, чем любая другая экономика в истории» (с. 497).

Цель настоящей статьи – социально-философское выделение субъектов межформационного перехода от капитализма к посткапитализму. Проблема этого выделения, зародившаяся в рамках марксизма, может быть теоретически и практически решена только путем внутренней самокритики последнего. Многие исследователи заявляют, что сегодня субъект социальной революции является неопределенным или отсутствует (Давыдов, 2021, с. 17; Коряковцев, Вискунов, 2017, с. 17; Сейерс, 2017, с. 15, 17), а социолог и философ Дж. Холлоуэй вообще занимает агностическую позицию: «Невозможно определить критически-революционного субъекта, поскольку критически-революционный субъект – это неопределимое» (Holloway, 2010a, p. 150). Для его обозначения (но не определения) исследователь использует термин «мы-кто-хочет-изменить-мир» (p. 62). В данной статье теоретическое выделение субъектов текущего межформацион-

ного перехода носит предварительный характер; тщательная и подробная классификация является задачей дальнейших междисциплинарных исследований.

Трудности с определением субъектов посткапиталистической социальной революции обусловлены прежде всего тем, что вопреки надеждам классического марксизма рабочий класс так и не стал субъектом межформационного перехода. Постопераистская мысль на место рабочего класса выдвинула новый революционный субъект под названием «множество» (Вирно, 2013; Хардт, Негри, 2006), однако это понятие, будучи логически неопределенным, обозначает настолько размытую социальную совокупность людей, что последняя едва ли может быть оформлена в качестве субъекта внутренней политики. Более того, не оправдались надежды на внутривнутриполитический переход к посткапитализму. В книге с характерным названием «Изменяйте мир без захвата власти» Дж. Холлоуэй пишет: «Очевидная невозможность революции в начале XXI в. в действительности отражает исторический провал конкретной концепции революции – концепции, которая отождествляла революцию с контролем над государством. Оба подхода, «реформистский» и «революционный», полностью не оправдали надежд своих восторженных сторонников» (Holloway, 2010a, p. 12).

Тем не менее отсутствие внутривнутриполитических субъектов межформационного перехода в капиталистических странах не означает отсутствия субъектов посткапиталистической социальной революции как таковых.

Политические субъекты посткапиталистической социальной революции

Посткапиталистическая социальная революция, осуществляемая «снизу» политическими средствами, не может сегодня преодолеть внутривнутриполитические преграды в любой капиталистической стране мира, и у этого факта есть объективная причина – рост относительного обнищания трудящихся. Так, по данным *Oxfam International*, в 1995–2021 гг. 1 % самых богатых людей мира завладели почти в 20 раз большей частью мирового богатства, чем беднейшие 50 % человечества². Таковы последствия торжества неолиберализма. Следовательно, требующиеся для зарождения нового способа производства ресурсы накапливаются именно у элит (Давыдов, 2021, с. 101), которые, как правило, не заинтересованы в таком зарождении. При этом внутривнутриполитические шансы на изменение соотношения в распределении этих ресурсов в пользу трудящихся уменьшаются с каждым годом по причине роста относительного обнищания, прежде всего, в его абсолютных значениях. Ведь чтобы овладеть ресурсами, требуются ресурсы, которых нет. Подавляющее большинство граждан капиталистических стран не имеют ни денег, ни связей, ни полномочий, достаточных для того, чтобы изменить такое положение дел даже в том случае, если указанные ресурсы будут организационно объединены большинством трудящихся. «Когда мы едины, мы непобедимы» – этот лозунг больше не работает. Здесь важно учитывать рост

² Inequality kills (2022, January 17). *Oxfam*. Retrieved April 25, 2023, from <https://oxfamlibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/621341/bp-inequality-kills-170122-en.pdf>

относительного обнищания именно в его абсолютных значениях: в результате общего роста национального богатства относительное обнищание может увеличиваться в абсолютных величинах даже в тех случаях, когда это обнищание, исчисляемое с помощью процентов от доли национального богатства, формально поворачивается вспять, когда неолиберализм отступает, когда падает индекс Джини. В условиях капиталистических производственных отношений пропасть между социальными возможностями трудящихся и социальными возможностями владельцев капитала имеет тенденцию к возрастанию. В результате трудящиеся не обладают и тем минимумом ресурсов, который потребовался для донбасского антифашистского восстания, – оптовыми партиями шин, горючего, бронежилетов, железобетонных блоков и т. д., а также денежными запасами для того, чтобы на некоторое время променять работу на борьбу. Все это нашлось у мелкого бизнеса, но даже его повстанческие усилия в ходе «Русской весны» 2014 г. (национально-освободительной мелкобуржуазной революции) оказались не самодостаточными, критически зависимыми от решений высшей бюрократии.

Однако ранее, в эпоху империализма, относительное обнищание еще не достигало в своих абсолютных значениях сегодняшних критических величин, что позволяло трудящимся устраивать политические революции под руководством революционной партии как политического авангарда в рамках отдельно взятой страны «догоняющего развития». Этот феномен вошел в историю под названием «ленинизм» (или «маоизм») – сначала взять политическую власть революционным путем в отсталой стране, а потом форсированно развивать производительные силы этой страны. В силу стимулируемого неолиберализмом роста относительного обнищания трудящихся, сегодня такая политическая стратегия объективно бесперспективна. Принцип историзма требует признать, что ленинизм как внутривнутриполитическая стратегия захвата власти трудящимися устарел и уже не работает.

Путь внутренней политической революции «снизу» (тем более путь вооруженного бунта) для достижения межформационного перехода уже закрыт, ибо он заведомо обрекает социальную революцию на поражение. Стоит помнить, что капитализм за последние сто с лишним лет научился «сеять ветер» и «пожинать бурю» гораздо лучше, чем это делают коммунисты. На его счету две мировые войны, множество локальных военных конфликтов и государственных переворотов. Именно капитализм обеспечивал и обеспечивает возвращение такого инструмента для нагнетания бури и хаоса, как фашизм. «Революционные» политические требования (нередко сопровождающиеся вооруженными эксцессами) сопутствуют конфликтам между различными фракциями социальных контрреволюционеров. Примером служат «цветные революции», которые, будучи политическими переворотами, не имеют к социальной революции никакого отношения. Более того, они склонны отбрасывать далеко назад в социальном развитии страны, в которых побеждают. Помимо прочего, трудящимся совершенно бессмысленно перенимать у буржуазных глобалистов «цветные политтехнологии» – они требуют огромных ресурсов и потому разработаны не для эксплуатируемого класса.

Но мог ли ленинизм, при всех его бесспорных исторических успехах, закончить с капитализмом с помощью провозглашения монополии угнетенного

класса на внутреннюю политику? Д.А. Давыдов справедливо указывает, что «тезис о «революционном переустройстве всего общественного здания» как неперменном следствии борьбы между угнетающими и угнетаемыми не находит подтверждения. Более того, история показывает, что борьба свободных и рабов, патрициев и плебеев, помещиков и крепостных и т.д. между собой никогда не приводила к смене общественных формаций. Переход от сословно-классовой к капиталистической общественной формации, например, был осуществлен под руководством буржуазии, а не крестьян. В данном контексте не соответствующим общей логике исторического процесса представляется и прогноз Маркса относительно того, что именно рабочий класс уничтожит капитализм. Надежды на реализацию этого прогноза уже не раз демонстрировали свою тщетность» (Давыдов, 2020, с. 90). А.А. Коряковцев отмечает, что рабочий класс, не завершив социальную антикапиталистическую революцию, проявляет самоотчуждение от политики (Коряковцев, 2013, с. 48). Рабочий класс сторонится политики как особого вида деятельности потому, что в его сегодняшнем постфордистском труде и так слишком много черт политической практики (Вирно, 2013, с. 52).

Действительные политические субъекты межформационного перехода проявляют себя в сфере не внутренней, а международной политики, хотя и преимущественно косвенным образом. Дело в том, что мировой капитализм со временем сформировал глобальную экономическую систему, и капитализм уже не может рассматриваться в рамках только отдельно взятой страны. При этом М. Кастельс верно отмечает следующее обстоятельство: «Глобальная экономика представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики. Согласно Фернану Броделю и Иммануэлю Уоллерстайну, под мировой экономикой понимается такая система, где процесс накопления капитала происходит по всему миру, и она существует на Западе по крайней мере с XVI в. Глобальная экономика представляет собой нечто другое: это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени... <...> Необходимо внести дополнительную поправку в определение контура глобальной экономики – *это не экономика планетарного масштаба*. Другими словами, она не включает все экономические процессы, территории и людей на планете, хотя прямо или косвенно оказывает влияние на все человечество. Несмотря на планетарный эффект от глобальной экономики, ее существование и форма затрагивают лишь отдельные сегменты и экономические структуры, страны и регионы пропорционально конкретному положению страны или региона в международном разделении труда» (Кастельс, 2000, с. 105, 114).

Именно ликвидация глобальной капиталистической системы, в центре которой находится диктат американских элит, может рассматриваться сегодня в качестве признака ликвидации капитализма как общественной формации. В связи с этим стоит напомнить, что Президент Российской Федерации В.В. Путин фактически объявил мировую революцию: «Мир вступил в период революционных трансформаций, они носят фундаментальный характер. Формируются новые центры развития, они представляют большинство – большинство! – мирового сообщества и готовы не только заявлять о своих интересах, но и защищать их, и в многополярности видят возможность укрепить свой суверенитет, а значит,

обрести истинную свободу, историческую перспективу, свое право на самостоятельное, творческое, самобытное развитие, на гармоничный процесс»³. И эти слова не являются пустой риторикой, если принять во внимание контекст, в котором они были произнесены – в процессе официального оформления новых субъектов Российской Федерации, против чего выступает глобальная капиталистическая система.

Ведущую роль в экономическом слове глобальной американоцентричной капиталистической системы играет сегодня Китайская Народная Республика, которая в отличие от СССР не вышла из ленинского/маоистского политического проекта (притом что в последний уже никто не может зайти). Китай находится сегодня на той стадии социалистического строительства, которая как теоретически, так и фактически соответствует советскому НЭПу, характеризуясь взаимодействием социалистического и капиталистического укладов, осуществляемым под руководством Коммунистической партии. Бросив экономический вызов мировому капиталистическому гегемону, КНР в октябре 2014 г. стала мировым лидером по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, а к середине 2020-х гг. ожидается мировое лидерство и по номинальному ВВП⁴. Кроме того, КНР даже в условиях COVID-19 продемонстрировала впечатляющий рост объема внешней торговли до 6,05 трлн долл. США в 2021 г. При этом положительное сальдо торгового баланса КНР с США составило 396,5 млрд долл. – это рост по сравнению с положительным сальдо 323,3 млрд в 2018 г.⁵ Столь успешный экономический вызов в адрес ведущей капиталистической державы мира не сопровождается каким-либо политическим «экспортом революции» (более того, дела с *soft power* обстоят у КНР по сравнению с США откровенно плохо). Тем не менее факт постепенного прекращения (благодаря КНР) американской экономической гегемонии в мире заставляет политическую элиту США (флагмана глобального капитализма) откровенно нервничать, пытаться компенсировать экономические потери усилением политического диктата и потому предпринимать радикальные политические шаги на международной арене, потенциально ведущие к развалу глобального капитализма. Так, специальная военная операция Российской Федерации послужила в 2022 г. поводом для ранее невиданного процесса – начала самоликвидации глобальной капиталистической системы, когда США самостоятельно «отстегнули» от этой системы громадную и «непослушную» Россию вместе с Белоруссией. Если в эпоху империализма капиталистические державы воевали за рынки, то сегодня они, наоборот, добровольно жертвуют рынками во имя политических и идеократических целей.

³ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России (2022, 30 сентября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://kremlin.ru/events/president/news/69465>

⁴ Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире (2014, 8 октября). *РБК*. Взято 25 апреля 2023, с <https://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a>

⁵ США остались главным торговым партнером Китая, а Россия не вошла в десятку (2022, 19 января). *Regnum*. Взято 25 апреля 2023, с <https://regnum.ru/news/economy/3480533.html>

Глобальный капиталистический «американский мир» рискует все более и более уменьшаться в размерах, ибо за ним более не стоит экономическая гегемония.

Неполитические субъекты посткапиталистической социальной революции

Социальная революция не обязана сопровождаться внутривнутриполитической революцией «снизу». Это доказывается, например, опытом скандинавских стран, в которых переход от феодализма к капитализму протекал относительно мирно. Но если для наступления капитализма отсутствие политической революции «снизу» было в большей степени исключением, то для наступления посткапитализма оно будет скорее правилом – в силу усиления относительного обнищания рядовых граждан. Посткапитализм исторически связан с политической революцией «снизу» только в тех странах, которые успели вскочить на подножку уходящего «поезда» ленинизма/маоизма и не выскочили обратно. Но даже в таких странах политическое руководство создает условия для развития неполитических субъектов межформационного перехода.

Для того чтобы обозначить эти субъекты, требуется обратиться к основам марксистской социальной теории. Любая общественная формация имеет в своей основе тот или иной способ производства (или их сочетание). Любой способ производства – это единство производительных сил (его содержания) и производственных отношений (его формы). Диалектика гласит, что источник развития – содержание, вслед за которым усложняется форма. Соотношение производительных сил и производственных отношений не является исключением: существует закон соответствия производственных отношений производительным силам. Значит, для того чтобы одна формация сменялась на другую, более сложную, нужно усложнить производительные силы.

Чем обычно занимаются «красные», находясь в политической оппозиции? Классовой и прочей борьбой, но отнюдь не созиданием, не развитием труда и производительных сил в целом. Ибо убеждены, что этими вопросами они могут заниматься только тогда, когда находятся у власти. А если у власти находится буржуазия (или высшая бюрократия при бонапартизме), то вопросы развития производства следует «уступать» ей. Во времена Маркса и даже Ленина такое поведение имело смысл – капитал бурно развивал производительные силы и без помощи марксистов. Сегодня ситуация изменилась, о чем здесь уже шла речь, а политическое поведение «красных» осталось прежним. Так почему же они, желая сменить общественную формацию, в своей практической деятельности упускают ключевое звено в этой смене, усиленно занимаясь тем, от чего формация не меняется?

В силу того, что главной производительной силой является сам человек, «формация есть особый способ организации сущностных сил человека. Соответственно кризис формации имеет свое антропологическое основание в обострении до крайности внутреннего противоречия человеческой сущности... Глубинным субстанциональным основанием перехода является перерастание, преодоление родовой универсальной человеческой сущностью своей индивидуальной ограниченной формы» (Мусаелян, 2016, с. 63). Это преодоление

означает в условиях становящегося посткапитализма всестороннее развитие индивидов: «Частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 441). Капитализм же сопротивляется такому всестороннему развитию. Присвоение человеческой сущности капиталом порождает острое противоречие между производительными силами (прежде всего самим человеком) и несвободными производственными отношениями. «Существование классов и их конституирование невозможно разделить: сказать, что классы существуют, значит сказать, что они находятся в процессе конституирования. Конституирование класса можно рассматривать как разделение субъекта и объекта. Капитализм – это ежедневно повторяющееся насильственное отделение объекта от субъекта, ежедневное вырывание объекта-творения-продукта у субъекта-творца-производителя, ежедневное отнятие у делателя не только сделанного, но и акта делания, его творчества, его субъективности, его человечности» (Holloway, 2010a, p. 143). Напротив, «коммунистический борец – это борец за человечность, каждый раз неповторимую и бесконечно сложную. Никакое дело не может быть коммунистически-революционным, если оно антигуманистично, если оно губительно для культуры, если оно ставится людьми над собой и другими: если сами люди становятся средствами и жертвами фетишизированных Порядков и Норм» (Батищев, 2015, с. 271).

В этой борьбе за человечность ключевую роль играют повседневные практики: «Коль скоро речь идет не о социологических абстракциях, а о реальных общественных индивидах, то существенную роль в объяснении исторического процесса должен играть феномен повседневности. Именно в ней возникают те незаметные для глаз изменения, которые, развертываясь, приводят к возникновению нового способа производства, а значит, и новой ступени исторического развития» (Коряковцев, Кондрашов, 2021, с. 363). Дж. Холлоуэй пишет о социальной революции так: «Революция возможна, только если мы исходим из того, что быть революционером – это очень обычное, очень привычное дело, что мы все революционеры, хотя и в очень противоречивых, фетишизированных, подавленных формах» (Holloway, 2010a, p. 211).

Развитие производительных сил – процесс тихий и, как правило, малозаметный для массмедиа. Рождаются и воспитываются дети, осваиваются профессии, совершаются научные открытия, внедряются новые полезные технологии, идет борьба за здоровый образ жизни. Еще К. Маркс указывал на то, что внедрение новых технологий вызывает «постоянные повседневные перевороты в способе производства» (Маркс, 1961a, с. 289). Затем феномен «тихой революции» эмпирически обнаружил американский социолог Р. Инглхарт, который, правда, свел ее содержание к изменению (преимущественно непубличному) субъективных человеческих ценностей в некоторых социальных группах стран Запада – изменению в так называемую постматериалистическую (точнее, поствещную) сторону, противоречащую духу капитализма (Инглхарт, 1977)⁶. Конечно, с марксистской

⁶ К тому же «постматериалистические» тенденции, которые исследовал ученый,

точки зрения указанное субъективное ценностное изменение имеет объективные причины в общественном бытии – «тихая революция» требует комплексного философского осмысления как целостный духовно-практический феномен, в результате которого происходит смена исторической эпохи.

И такое осмысление уже начато. Т. Фахури отмечает следующее: «Обычно люди ассоциируют сопротивление угнетению с политическим активизмом. Я утверждаю, что существует ценный вид сопротивления, который значительно отличается от активизма и который легко упустить из виду. В «тихом сопротивлении» люди противостоят влиянию угнетения на их личную жизнь, добиваясь чего-то – проекта, предпочтения, отношений или идеала, что запрещено или не поощряется угнетением, которое они испытывают. Их сопротивление «тихое» не в том смысле, что его буквально не слышно, а потому что они не пытаются донести послание сопротивления до публичной аудитории. Тихие сопротивленцы не имеют явно выраженных политических мотивов или устремлений. Они сопротивляются ради того, чтобы жить жизнью, которая выражает их сущность и то, что их волнует, несмотря на риски или благодаря им» (Fakhoury, 2019, p. iii). Дж. Холлоуэй указывает на то, что повседневный социальный протест «открывает нам пространство и время, в котором мы пытаемся жить как субъекты, а не как объекты. Это время или пространство, в котором мы утверждаем нашу способность решать за себя, что нам делать – будь то беседа с другом, игра с нашими детьми, обработка земли другим способом, разработка и реализация проектов критического образования. Это время или пространство, в котором мы берем на себя контроль над собственной жизнью, принимаем на себя ответственность за свою человечность» (Holloway, 2010b, p. 19). Повседневность нередко противоречит интересам капитала: «Простая попытка быть человеком, поболтать с друзьями, влюбиться, превращается динамикой капитала, этим постоянным вращением винта, в акт непокорности. И наоборот: именно эта попытка быть человеком является нашей революционной надеждой, потенциальным прорывом в другой мир, в другое делание, в другой способ отношений» (p. 251).

Главным, системообразующим источником усложнения производительных сил, утверждения человечности является развитие труда, прежде всего материального. Здесь стоит пояснить, что К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали об упразднении труда-работы, вынужденной деятельности, а не об упразднении труда как свободной деятельности – родовой характеристики человека (Кондрашов, 2021, с. 97–103). Труд как ключевая сущностная сила человека оказывает по сравнению с другими сущностными силами наибольшее влияние на смену формаций. Ключевой повседневной практикой, ведущей к посткапитализму, является такой труд, который выступает как свободная деятельность (самодеятельность) человека. «Самодеятельность – это деятельность, конкретность которой определяется внутренней целесообразностью субъективности самого человека, логикой его личных интересов и желаний... Самодеятельность (господство которой увязано Марксом и Энгельсом с коммунистическим обществом)

оказались для Запада временным явлением (Давыдов, 2018, с. 92), там произошла, так сказать, «тихая контрреволюция». Тем не менее эти тенденции имеют место и в других регионах планеты.

предполагает свободный обмен деятельностью» (Коряковцев, Вискунов, 2017, с. 533). Для того чтобы быть самодеятельностью, труд должен обладать важной объективной характеристикой – быть самопрограммируемым, самоформирующимся, когда его субстанциальный, самопричинный характер представлен на уровне отдельной личности, а не только общества в целом. Осознание и самостоятельное проектирование личностью своих материальных действий в ходе самопрограммируемого труда выступают основой ликвидации его разделения на умственный и физический. Самопрограммируемый, самоформирующийся труд можно обозначить в марксистской терминологии как всеобщий труд (Орлов, Васильева, 2005, с. 222–223). «Самопрограммирующаяся рабочая сила нуждается в определенном типе образования, на основе которого накопленный работником запас знаний и информации может расширяться и видоизменяться на протяжении всей его (или ее) трудовой жизни» (Кастельс, 2004, с. 113–114). В отличие от обладателей самопрограммирующейся рабочей силы, носители общей рабочей силы – это работники, «использующие лишь те навыки, которые требуются для выполнения указаний руководства» (с. 117). Общей рабочей силой обладают не только неквалифицированные работники, но и многие представители считающихся интеллектуальными профессий – значительная часть учителей, врачей, чиновников и т. д.

Становление всеобщего труда уничтожает разделение между умственным и физическим трудом, что приводит к постепенной ликвидации классового антагонизма, а также антагонизма между производителем и потребителем. Именно субъекты всеобщего труда (равно как и субъекты, стремящиеся к всеобщему труду) являются неполитическими субъектами посткапиталистического межформационного перехода.

Субъект всеобщего труда непосредственно существует как личность (а уже опосредованно как коллектив): «Естественной предпосылкой свободной деятельности является автономная личность, «общественно-необходимый индивид» (Маркс), то есть индивид, ставший ансамблем общественных отношений, тотальностью, обществом в миниатюре» (Коряковцев, Вискунов, 2017, с. 551). К. Маркс пишет, что «общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития» (Маркс, 1962, с. 402–403), но роль личности в истории меняется от эпохи к эпохе. В связи с этим им отмечается интересная деталь: «Первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства» (Маркс, 1961b, с. 404). Таким образом, Маркс фактически констатирует, что системообразующим фактором способа производства служит не тип собственности на средства производства (или производственные отношения в целом), а господствующий тип личности как главной производительной силы.

Именно личность рассматривается Д. А. Давыдовым в качестве субъекта межформационного перехода к посткапитализму (Давыдов, 2020, с. 91, 109). Хотя личность определяется довольно узко: это «человек, ставящий на первое место ценности творчества и самореализации... Речь здесь идет... о своеобразном «массовом» распространении самого личностного «модуса»: когда ценности личностной самореализации начинают вытеснять ценности сугубо материаль-

ного насыщения/обогащения» (с. 120). Таким образом, личность трактуется схожим, хотя и не тождественным, образом с субъектами «тихой революции» у Р. Инглхарта (Давыдов, 2021, с. 247)⁷. Если торжество сообщества творческих личностей («креатосферы») приводит в концепции А.В. Бузгалина к не антагонистическому и бесклассовому «царству свободы» (Бузгалин, 2013, с. 164), то с точки зрения Д.А. Давыдова творческая личность осуществляет переход к новой антагонистической формации: «Посткапиталистические производственные отношения характеризует не творчество как таковое (как самоцель), а производство личности, понимаемое как совокупность целенаправленных практик возвышения в творческой конкурентной борьбе за внимание и популярность. Уже сегодня постепенно возникают основания для новой антагонистической социальной стратификации: общество начинает делиться на массу потребителей результатов творческой деятельности (имперсоналиат) и небольшую прослойку популярных творческих деятелей – «захватчиков дискурса» (персоналиат). Поэтому общественную формацию, в рамках которой творчество является основным источником потребительных ценностей, резонно обозначить как персоналистическую» (Давыдов, 2021, с. 73).

Однако в марксистской мысли творчество традиционно рассматривается не как узкопрофессиональное занятие «захватчиков дискурса», а как массовое явление, которое «включает в себя и образование, и самообразование, и воспитание детей, и даже обычные, повседневные формы деятельности. Самое главное для марксизма понимание творчества в будущем мире – это *творение, созидание общественных отношений*» (Кондрашов, 2019, с. 22–23). При таком понимании творчества «имперсоналиат» тоже должен признаваться совокупностью творческих личностей. Да и сам Д.А. Давыдов отмечает то, что «возможно творчество совсем другого характера – нацеленное не столько на производство личности, сколько на преобразование материального и социального мира» (Давыдов, 2021, с. 306). Кроме того, автор заявляет, что «всевластие персоналиата и всеместности личностного «модуса», всеобщей погоне за самореализацией и популярностью можно найти куда более достойную альтернативу. Это альтернатива, в которой «безликий» труд дает ощущение сопричастности к большому, по-настоящему полезному делу, поэтому вполне возможно, что имперсоналиат пойдет по другому пути, найдет другие цели для своей общественной борьбы. И не исключено, что эти цели с точки зрения общечеловеческих ценностей будут куда более достойными» (с. 305). Но разве это не проявление личностного начала в людях? Разве это не освобождающее действие личности в истории?

Все же думается, что у «персоналистической формации» не так много шансов на полноценное вызревание, т. к. индивидуализм «персоналиата» не соответствует новейшим тенденциям в формировании социальных отношений. «Культура отмены» и «зеленая» повестка на Западе, а также специальная военная операция Российской Федерации являются «маркерами» глубокого кризиса тех индивидуалистических общественных связей, которые Г.С. Батищев вслед

⁷ Впрочем, даже и за рамками столь узкой трактовки личности некорректно объявлять субъектом межформационного перехода каждую личность или личность вообще, ведь не всякая личность способствует социальному прогрессу.

за Марксом назвал социал-атомистическими. Они характерны для капитализма, начало их разрушения является индикатором надвигающегося краха капиталистической общественной формации. Если исходить из концепции Маркса и Батищева, распад социал-атомистических связей может иметь одно из двух последствий – регресс или прогресс. В первом случае происходит низведение общества до давно, казалось бы, преодоленного уровня социал-органических связей. Альтернативой выступает прогресс – установление социал-гармонических связей (Батищев, 1997, с. 47–49). В них проявляется «полифоническое», со-творческое общение – все мы разные, но можем понимать друг друга и помогать друг другу, что противоречит принципу эксплуатации труда. Факторами, способствующими установлению социал-гармонических связей, являются всеобщий труд, крупные наукоемкие экономические проекты, общественная собственность на средства производства, гуманистическая духовная культура.

Заключение

В силу того, что сегодняшний капитализм имеет глобальный характер, сторонники посткапиталистического межформационного перехода должны быть сторонниками слома глобальной американоцентричной капиталистической системы и сторонниками союзнических отношений с Китаем, подрывающим экономическую гегемонию США. Кроме того, следует делать все возможное для увеличения численности и общественного влияния коллективного неполитического субъекта посткапиталистической социальной революции – сообщества личностей, являющихся субъектами всеобщего труда. Осуществить это можно с помощью комплекса практических мер, направленных на повышение рождаемости, развитие образования и здравоохранения, нравственное воспитание. Современным марксистам, неоправданно зациквившимся на политических процессах и производственных отношениях, следует взглянуть в корень своего учения и пересмотреть всю актуальную общественную проблематику «под углом зрения» развития производительных сил. Сегодня именно борьба за развитие производительных сил – главная форма борьбы с капитализмом, а вовсе не борьба за политическую власть. Оружием трудящихся выступает всеобщий труд, а не булжник. «Свобода через профессионализм» – вот что должно стать девизом сторонников посткапитализма. Движение за посткапитализм уже может позволить себе не быть политически радикальным, т. к. современное общество в отличие от индустриальной эпохи во многом созрело для действительного, а не мнимого преодоления частной собственности. Аккумулятивное развитие всеобщего труда даже предполагает наличие некоторого консервативного аспекта теории и практики, ибо то, что развивается, прежде должно быть сохранено от разрушения.

Список литературы

1. Батищев, Г.С. (1997). *Введение в диалектику творчества*. СПб.: Издательство РХГИ.

2. Батищев, Г. С. (2015). Деятельностная сущность человека как философский принцип. В Г. С. Батищев, *Избранные произведения* (с. 191–275). Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.
3. Бугалин, А. В. (2013). По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода. В Б. Ф. Славин (Ред.), *Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения* (с. 80–168). М.: ЛЕНАНД.
4. Вирно, П. (2013). *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
5. Давыдов, Д. А. (2018). Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 18(3), 86–102. <https://doi.org/10.17506/guip.2016.18.3.86102>
6. Давыдов, Д. А. (2020). *Личность и государство в терниях посткапитализма: на пути к новой антагонистической общественной формации*. М.: Ленанд.
7. Давыдов, Д. А. (2021). *Посткапитализм и рождение персоналиата*. М.: Рипол-классик.
8. Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ.
9. Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет*. Екатеринбург: У-Фактория.
10. Кондрашов, П. Н. (2019). О противоречиях посткапитализма: размышления над статьей Д. А. Давыдова. *Дискурс-Пи*, (1), 20–28. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.2028>
11. Кондрашов, П. Н. (2020a). Марксова концепция становления целостности человека. *Вопросы философии*, (5), 36–48. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-5-36-48>
12. Кондрашов, П. Н. (2020b). Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация. *Социологические исследования*, (2), 150–159. <https://doi.org/10.31857/S013216250008524-9>
13. Кондрашов, П. Н. (2021). Какого же Маркса мы читаем? В А. А. Коряковцев (Ред.), *Маркс утраченный и Маркс обретенный* (с. 89–119). М., Екатеринбург: ИФИП УрО РАН, Кабинетный ученый.
14. Коряковцев, А. А. (2013). Антикапиталистическая революция индустриальной эпохи: проблема естественноисторических пределов в марксистской традиции. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 13(3), 38–50.
15. Коряковцев, А. А., Вискунов, С. В. (2017). *Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом*. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый.
16. Коряковцев, А. А., Кондрашов, П. Н. (2021). Заключение. В А. А. Коряковцев (Ред.), *Маркс утраченный и Маркс обретенный*. (с. 355–366). М., Екатеринбург: ИФИП УрО РАН, Кабинетный ученый.
17. Маркс, К. (1959). К критике политической экономии. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 13, с. 1–167). М.: Государственное издательство политической литературы.

18. Маркс, К. (1961a). Капитал. Т. 3. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 25, ч. 1, с. 29–542). М.: Государственное издательство политической литературы.
19. Маркс, К. (1961b). Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 19, с. 400–421). М.: Государственное издательство политической литературы.
20. Маркс, К. (1962). Письмо П.В. Анненкову. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 27, с. 401–412). М.: Государственное издательство политической литературы.
21. Маркс, К. (1968). Экономические рукописи 1857–59 годов. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 46, ч. 1, с. 3–510). М.: Издательство политической литературы.
22. Маркс, К., Энгельс Ф. (1955). Немецкая идеология. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3, с. 7–544). М.: Государственное издательство политической литературы.
23. Мусаелян, Л. А. (2016). *Исторический процесс и глобализация*. Пермь: ПГНИУ.
24. Орлов, В.В., Васильева, Т.С. (2005). *Философия экономики*. Пермь: Издательство Пермского государственного университета.
25. Сейерс, Ш. (2017). Идея коммунизма. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 17(1), 7–20.
26. Хардт, М., Негри, А. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
27. Fakhoury, T. (2019). *Quiet resistance: The value of personal defiance*. Chapel Hill: University of North Carolina.
28. Holloway, J. (2010a). *Change the world without taking power*. New York: Pluto Press.
29. Holloway, J. (2010b). *Crack capitalism*. London: Pluto Press.
30. Inglehart, R. (1977). *The silent revolution. Changing values and political styles among Western publics*. Princeton: Princeton University Press.

References

1. Batishhev, G. S. (1997). *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [An introduction to the dialectic of creativity]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RXGI.
2. Batishhev, G. S. (2015). Deyatel'nostnaya sushhnost' cheloveka kak filosofskij princip [The activity-based essence of man as a philosophical principle]. In G. S. Batishhev, *Izbrannye proizvedeniya* (pp. 191–275). Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK.
3. Buzgalin, A. V. (2013). Po tu storonu otchuzhdeniya: social'noe tvorchestvo i svoboda [On the other side of alienation: Social creativity and freedom]. B. F. Slavin (Ed.), *Doroga k svobode: Kriticheskij marksizm o teorii i praktike social'nogo osvobozhdeniya* (pp. 80–168). Moscow: LENAND.
4. Castells, M. (2000). *Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: Economy, society, and culture]. Moscow: GU VShE'.
5. Castells, M. (2004). *Galaktika Internet* [The Internet galaxy]. Ekaterinburg:

U-Faktoriya.

6. Davydov, D.A. (2018). Konceptsiya postmaterializma Ronalda Ingleharta v kriticheskoj perspektive [Ronald Inglehart's concept of postmaterialism from a critical perspective]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 18(3), 86–102. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.3.86102>

7. Davydov, D.A. (2020). *Lichnost' i gosudarstvo v terniyax postkapitalizma: na puti k novoj antagonisticheskoj obshhestvennoj formacii* [Personality and State in the thorns of post-capitalism: Toward a new antagonistic social formation]. Moscow: Lenand.

8. Davydov, D.A. (2021). *Postkapitalizm i rozhdenie personaliat* [Postcapitalism and the birth of the personaliat]. Moscow: Ripol-klassik.

9. Fakhoury, T. (2019). *Quiet resistance: The value of personal defiance*. Chapel Hill: University of North Carolina.

10. Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v e'poxu imperii* [Multitude: War and democracy in the age of empire]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya.

11. Holloway, J. (2010a). *Change the world without taking power*. New York: Pluto Press.

12. Holloway, J. (2010b). *Crack capitalism*. London: Pluto Press.

13. Inglehart, R. (1977). *The silent revolution. Changing values and political styles among Western publics*. Princeton: Princeton University Press.

14. Kondrashov, P.N. (2019). O protivorechiyax postkapitalizma: razmyshleniya nad stat'ej D.A. Davydova [On the contradictions of post-capitalism: Notes on the article by Dmitry Davydov]. *Diskurs-Pi*, (1), 20–28. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.2028>

15. Kondrashov, P.N. (2020a). Marksova koncepcija stanovleniya celostnosti cheloveka [Karl Marx's concept of formation of the integrity of the man]. *Voprosy filosofii*, (5), 36–48. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-5-36-48>

16. Kondrashov, P.N. (2020b). Postkapitalizm kak novaya obshhestvennaya inter/trans-formaciya [Postcapitalism as a new social inter/trans-formation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (2), 150–159. <https://doi.org/10.31857/S013216250008524-9>

17. Kondrashov, P.N. (2021). Kakogo zhe Marksa my chitaem? [Which Marx are we reading?]. In A.A. Koryakovtsev (Ed.), *Marks utrachennyj i Marks obretennyj* (pp. 89–119). Moscow, Ekaterinburg: IFiP UrO RAN, Kabinetnyj uchenyj.

18. Koryakovtsev, A.A. (2013). Antikapitalisticheskaya revolyuciya industrial'noj e'poxi: problema estestvennoistoricheskix predelov v marksistskoj tradicii [Anti-capitalist revolution of industrial epoch: Problem of natural-historic limits according to Marxist tradition]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 13(3), 38–50.

19. Koryakovtsev, A.A., & Kondrashov, P.N. (2021). Zaklyuchenie [Conclusion]. In A.A. Koryakovtsev (Ed.), *Marks utrachennyj i Marks obretennyj* (pp. 355–366). Moscow, Ekaterinburg: IFiP UrO RAN, Kabinetnyj uchenyj.

20. Koryakovtsev, A.A., & Viskunov, S.V. (2017). *Markszizm i polifoniya razumov: Drama filosofskix idej v 18 glavax s e'pilogom* [Marxism and the polyphony of rationalities: A drama of philosophical ideas in 18 chapters with an epilogue].

Moscow, Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.

21. Marx, K. (1959). K kritike politicheskoj e'konomii [Toward a critique of political economy]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 13, pp. 1–167). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

22. Marx, K. (1961a). Kapital. T. 3 [Capital. Vol. 3]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 25, part 1, pp. 29–542). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

23. Marx, K. (1961b). Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zasluch [Drafts response to the letter of V.I. Zasluch]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 19, pp. 400–421). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

24. Marx, K. (1962). Pis'mo P.V. Annenkovu [Letter to P.V. Annenkov]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 27, pp. 401–412). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

25. Marx, K. (1968). E'konomicheskie rukopisi 1857–59 godov [Economic manuscripts of 1857–59]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 46, part 1, pp. 3–510). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoj literatury.

26. Marx, K., & Engels F. (1955). Nemeckaya ideologiya [The German ideology]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 3, pp. 7–544). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

27. Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskij process i globalizaciya* [Historical process and globalization]. Perm: PGNIU.

28. Orlov, V.V., & Vasilyeva, T.S. (2005). *Filosofiya e'konomiki* [Philosophy of economics]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta.

29. Sayers, S. (2017). Ideya kommunizma [Idea of communism]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 17(1), 7–20.

30. Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A grammar of the multitude: For an analysis of contemporary forms of life]. Moscow: Ad Marginem Press.

Информация об авторе

Юрий Викторович Лоскутов, кандидат философских наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4678-3357>, e-mail: yuri-loskutov@mail.ru

Information about the author

Yuri Viktorovich Loskutov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Perm State University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4678-3357>, e-mail: yuri-loskutov@mail.ru